

Бестелесные эффекты и события
в «Логике смысла» Ж. Делёза
и концепция лектона в историко-философской
реконструкции Э. Брейе

Даниил А. Борейко

Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, dbor101189@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается историко-философская реконструкция стоической концепции лектона в работе «Теория бестелесного в Древнем стоицизме» Эмиля Брейе, а также ее рецепция и развитие в работе «Логика смысла» Жюль Делёза. Понимание бестелесных эффектов и идеальных событий в «Логике смысла» основывается на интерпретации бестелесного и оригинальной концепции лектона, которые предлагает Брейе. Лектон приобретает в работе Брейе особый статус, занимая положение между физическими телами и языком: он не является ни вещью, ни репрезентацией, ни понятием, ни материальным знаком; а также получает независимость от физической связи причин. Такая модель лектона развивается Делёзом в нескольких направлениях: в философии языка, в математической концепции сингулярностей, в концепции доиндивидуального трансцендентального поля смысла, а также в концепции уникального события *Eventum tantum*.

Ключевые слова: Природа, логика, физика, этика, стоицизм, бестелесное, события, эффекты, лектон, выражаемое, атрибут, «Логика смысла», Делёз, Брейе

Для цитирования: Борейко Д.А. Бестелесные эффекты и события в «Логике смысла» Ж. Делёза и концепция лектона в историко-философской реконструкции Э. Брейе // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2023. № 2. С. 46–63. DOI: 10.28995/2073-6401-2023-2-46-63

Incorporeal effects and events
in Gilles Deleuze's "The Logic of Sense"
and the concept of λεκτόν in Émile Bréhier's historico-
philosophical reconstruction

Daniil A. Boreiko

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

dbor101189@gmail.com

Abstract. The article considers the *historico-philosophical* reconstruction of Stoic concept of a λεκτόν in the work "The Theory of the Incorporeal in Ancient Stoicism" by Émile Bréhier and its reception and development in Gilles Deleuze's "The Logic of Sense". The understanding of incorporeal effects and ideal events in "The Logic of Sense" is based on Bréhier's interpretation of the incorporeal and original concept of a λεκτόν. Λεκτόν attains a special status in Bréhier's work, occupying the position between physical bodies and language: it is neither a thing, nor a representation, neither a notion, nor a material sign; and also gains independence from the physical connection of causes. Such model of a λεκτόν is developed by Deleuze in several directions: in his philosophy of language, in the mathematical concept of singularities, in the concept of the pre-individual transcendental field of sense, and also in the concept of the unique event *Eventum tantum*.

Keywords: nature, logic, physics, ethics, stoicism, incorporeal, events, effects, λεκτόν, expressible, attribute, "The Logic of Sense", Deleuze, Bréhier

For citation: Boreiko, D.A. (2023), "Incorporeal effects and events in Gilles Deleuze's 'The Logic of Sense' and the concept of λεκτόν in Émile Bréhier's historico-philosophical reconstruction", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 2, pp. 46–63, DOI: 10.28995/2073-6401-2023-2-46-63

Введение.

Делёз и античный стоицизм

Понятий «метафизика» или «первая философия» официально не существует в философии стоиков, и нет такого раздела философии, который бы располагался μετὰ τὰ φυσικά, «после» или «за пределами» физики. Более того, в ней нет никаких надфизических сущностей [Gourinat 2018, p. 87].

С чем же связан интерес Делёза к философии античного стоицизма, если, по его собственным словам, он «чувствует себя чистым метафизиком»¹?

Эта терминологическая проблема указывает на характерное и для античных стоиков, и для Делёза понимание Природы. Для стоической философии нет того, что существует отдельно и не движется и нет «сущего как такового» по ту сторону φύσις² а. Соответственно нет и предметной области, которой занималась бы метафизика в аристотелевском понимании. Таким образом, не имеет никакого смысла делить философию по образцу перипатетиков на «первую» и «вторую». Любое исследование, которое изучает сущее, будь то боги, начала (ἀρχαί), основы (στοιχεῖα), тела, пространство, пределы, пустота и даже «как бы нечто сущее», является исследованием φύσις² а². Иными словами, нет ничего вне φύσις² а.

Делёз прочитывает этот тезис через Спинозу следующим образом:

Одна Природа для всех тел, одна Природа для всех индивидов, Природа, которая сама является индивидом, меняющимся бесконечным числом способов³.

И если, согласно приведенной цитате, такой индивид меняется бесконечным числом способов, его изменению соответствует бесконечный процесс концептуализации Природы. Очевидно, что в этом отношении Делёз – «чистый физик», который занимается лишь Природой и определенным способом выражает Природу. Как сам Делёз признает в интервью Арно Виллани, идея Природы – это то, вокруг чего вращается его творчество⁴.

Из этого можно вывести еще один вопрос. Не занимает ли в таком случае метафизика для Делёза место стоической физики, если

¹ Делёз Ж. «Я плохо переношу невротиков». Ответы на серию вопросов. Ноябрь 1981. URL: https://vk.com/@p_f_r_a_n_c_a_i_s-zhil-delez-ya-ploho-perenoshu-nevrotikov (дата обращения 8 апреля 2023).

² Лаэртский Диоген. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1986. VII, 132. С. 285.

³ Делёз Ж. Спиноза. Практическая философия. М.: Ин-т общегуманит. исследований, 2018. С. 189.

⁴ «Арно Виллани – Кажется, что *physis* играет большую роль в ваших произведениях. Жиль Делёз – Вы правы, я полагаю, что моё творчество вращается вокруг некой идеи Природы, но я ещё не подошёл к тому, чтобы напрямую рассмотреть это понятие» (Делёз Ж. «Я плохо переношу невротиков»...).

«в системе учения [стоиков] физика [занимает] приблизительно то же место, что у Аристотеля: метафизика» [Столяров 1995, с. 97]? Вероятно, такой вопрос является не совсем корректным. Хотя стоики и отделяли физику от двух других дисциплин, логики и этики, это деление было достаточно условным и дисциплины смешивались, поскольку невозможно было излагать их изолированно друг от друга: «Ни одна из этих частей не отделяется от других, но все они смешаны – так утверждают некоторые из них и преподают их тоже без разделения»⁵. Более того, как отмечает Брюнсвик, то, что можно назвать стоической «онтологией», или метафизикой (он предлагает термин «метафилософия» [Brunschwig 2003, р. 232]), выходит за пределы трехчастного деления физика-логика-этика, поскольку «онтологические» понятия, к которым Брюнсвик относит, к примеру, лектон, применяются во всех философских дисциплинах. Как бы то ни было, этика, физика и логика стоиков связаны друг с другом внутренним образом, а условная «онтология» заимствует свои предметы и понятия из всех трех, но не формирует отдельный раздел знания. Таким образом, речь идет скорее о междисциплинарном подходе, а не о том, что метафизика отождествляется с физикой.

Такая междисциплинарность стоической философии близка делёзовскому натурализму⁶, согласно которому онтология это и есть этика. Их отождествление, в свою очередь, подкрепляется положением, которое Делёз исторически выводит из того же стоицизма: индивид, тело и стремление – это одно и то же. Объясняя это положение в курсе лекций, посвященных Спинозе, Делёз противопоставляет способ стоиков мыслить индивида через его витальную мощь (лат. *potentia*, фр. *puissance*) способу мыслить его через форму, в основе которой лежит визуальное геометрическое представление о пределе (гр. *πέρας*, фр. *limite*) как контуре (фр. *contour*). Платоновские примеры геометрических фигур или аристотелевские примеры, связанные с искусством производства форм, будь то искусство ваятеля или строителя, имеют преимущество постольку, поскольку мыслить универсалию круга или извая-

⁵ Лаэртский Диоген. Указ. соч. VII, 40–41. С. 260.

⁶ Натурализм в том смысле, в каком сам Делёз определяет натурализм Лукреция: «Надолго вперед Лукреций заложил импликации натурализма: позитивность Природы; Натурализм как философия утверждения; плюрализм, смыкающийся с множественным утверждением; сенсуализм, связанный с радостью различения; и практическая критика всяческих мистификаций» (Делёз Ж. Логика смысла. М.: Академический проект, 2011. С. 365).

ния, т. е. того, что так или иначе связано, во-первых, с человеческой деятельностью, а во-вторых, с «тактильно-оптическим равновесием», удобнее, нежели мыслить универсалию, например, грибницы. Вместо примеров с геометрическими фигурами стоики предлагают пример из природы – семя подсолнуха. В отличие от прекрасной статуи, семечко невозможно определять через форму, поскольку это ничего не скажет о нем. Форма – это абстракция, которая не учитывает *витальность* (*vitalité*) конкретного индивида. Семечко подсолнуха определяется действием, как и любая конкретная вещь. Вещь, или сущее – это тело, тело – это действие, а предел тела – это предел действия. Таким образом, тело – это не то, что можно представить в виде формы, это способность к действию и действие, или стремление (*tension*), или же *conatus*:

Когда стоики говорят, что все вещи суть тела, они имеют в виду, что все вещи определяются через *тонос* (*tonos*), сжатое усилие, определяющее вещь. Своего рода сжатие, зародышевая сила, имеющаяся в вещи, – если вы их не найдете, вы не познаете вещь⁷.

Но стоическое понимание Природы и классификация философских дисциплин, предложенная стоиками – это не все. Вероятно, наиболее важным является для Делёза понятие события⁸. Вокруг него выстраивается вся «Логика смысла». Однако эта работа не просто задействует понятие события. «Логика смысла» реализуется в соответствии с особенностью обсуждавшегося выше дисциплинарного деления, которое было предложено стоиками. Обратим внимание на следующую цитату, где рассматривается фигура актера-танцора-мима:

...актер осуществляет событие, но совершенно не так, как событие осуществляется в глубине вещей. Точнее, актер по-своему дублирует космическое или физическое осуществление события другим [осуществлением]... которое ограничивает первое, высвобождает из него абстрактную линию и сохраняет лишь очертания и великолепие события...⁹

⁷ Делёз Ж. Лекции о Спинозе. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. С. 140–141.

⁸ «Первыми, кто посчитал, что событие достойно возведения в ранг понятия, были стоики» (Делёз Ж. Складка. Лейбниц и барокко. М.: Логос, 1997. С. 93).

⁹ «L'acteur effectue donc l'événement, mais d'une tout autre manière que l'événement s'effectue dans la profondeur des choses. Ou plutôt cette effectuation cosmique, physique, il la double d'une autre, à sa façon, singulièrement

И немного дальше по тексту:

Любое событие подразумевает момент собственного осуществления в настоящем, когда оно воплощается в состоянии вещей, в индивидуе или личности, – момент, который мы обозначаем, говоря: «И вот пришел момент, когда...» Будущее и прошлое события признаются именно по отношению к этому определенному настоящему и с точки зрения того, что его воплощает. Но, с другой стороны, есть будущее и прошлое события самого по себе, уклоняющегося от всякого настоящего, свободного от всех ограничений состояний вещей, безличного и доиндивидуального, нейтрального, ни общего, ни частного – *eventum tantum*... Скорее, у такого события нет иного настоящего, кроме настоящего того подвижного момента, который его представляет, который всегда раздвоен на прошлое-будущее и формирует то, что следует назвать контросуществованием¹⁰.

На основе приведенных фрагментов мы можем выделить три концептуальные пары, которые располагаются вокруг фигуры актера.

1. Тела (глубина вещей) и бестелесные эффекты (события): физическое осуществление, или воплощение в теле актера, дублируется в действии актера другим осуществлением, высвобождающим события.

2. Хронос (настоящее) и Эон (прошлое-будущее): телесное и физическое настоящее время актера отличается от прошлого-будущего времени события, которое актер разыгрывает.

3. Осуществление (*effectuation*) и контросуществование (*contre-effectuation*), или «Этика причины» и «Этика эффекта»: действие актера связано с двумя процессами – осуществлением и контросуществованием.

Согласно нашей гипотезе, если перегруппировать эти три пары понятий, мы обнаружим стоическую программу из физики (куда войдут тела и Хронос), логики (бестелесные эффекты и Эон) и этики (осуществление и контросуществование).

При работе с каждой из этих пар Делёз использует различные реконструкции стоической мысли. Первая пара понятий – тела

superficielle, d'autant plus nette, tranchante et pure pour cela, qui vient délimiter la première, en degage une ligne abstraite et ne garde de l'événement que le contour ou la splendeur: devenir le comédien de ses propres événements, *contre-effectuation*" (Deleuze G. *Logique du sens*. Paris: Minuit, 1969. P. 176; см. также: Делёз Ж. *Логика смысла*... С. 198–199. Перевод изменен).

¹⁰ Делёз Ж. *Логика смысла*. С. 198–199.

и бестелесные эффекты – отсылает читателя к исследователю античной философии Эмилю Брейе. Вторая пара – Хронос и Эон – к историко-философской работе Виктора Гольдшмидта. Третья пара – осуществление и контросуществование – к цицероновскому понятию «осуществление искусства» (*artis effectio*) и актерскому мастерству, которое сможет связать вместе все перечисленные элементы. В рамках данной статьи мы сможем рассмотреть лишь первую пару понятий и ее связь с концепцией лектона, предложенной Эмилем Брейе [Гаджикурбанова 2005, с. 9]¹¹: тела и бестелесные эффекты.

Лектон и бестелесные эффекты

Все тела – причины друг друга и друг для друга, но причины чего? Они – причины особых вещей совершенно иной природы. Такие эффекты – не тела, а, собственно говоря, нечто «бестелесное»¹².

Опорным пунктом делёзовской интерпретации стоического учения о телах и бестелесном стала программная работа философа, историка философии и переводчика Плотина Эмиля Брейе «Теория бестелесного в Древнем стоицизме», впервые опубликованная в 1907 г.¹³ Следует отметить, что работа Брейе продолжает дело, начатое Виктором Брошаром¹⁴ за пятнадцать лет до публикации «Теории бестелесного». Уже в 1892 г. историк философии и профессор истории античной философии в Сорбонне Виктор Брошар опубликовал статью «О логике стоиков»¹⁵, в которой полемизиро-

¹¹ Как отмечает П.А. Гаджикурбанова, из-за своей фрагментарности стоическая концепция лектона оказывается проблематичной даже для классической стратегии исследования (например, Эдуарда Целлера) и допускает самые разные способы интерпретации.

¹² Делёз Ж. Логика смысла. С. 13.

¹³ Брейе испытал влияние Бергсона, он посещал его лекции по Плотину в Коллеж де Франс. В частности, развивал идею длительности в статьях, посвященных истории философии; подробнее см.: *Блауберг И.И.* Э. Брейе и М. Геру: два подхода к истории философии // История философии. 2008. № 13. Р. 69–88.

¹⁴ Эту работу Брошара Делёз знал. Он ссылается на нее в своей книге по Лейбницу.

¹⁵ Переиздание этой работы вошло в его сборник 1912 г. «*Études de philosophie ancienne et de philosophie modern*». Отдельно следует отметить, что монография Брошара 1887 г., посвященная скептикам, была использована Ницше в его работах.

вал с позицией Целлера и Прантла. Последние не находили в стоической логике особых достоинств, предпочитая ей аристотелевскую силлогистику. Брошар же пытался поместить стоическую логику в контекст номиналистической онтологии и физики. Как он пишет, у стоиков нет никакого интереса к сущности и форме, как ее понимают перипатетики. Интерес представляет *ιδίως ποίον*, конкретное индивидуальное качество:

Собственную природу каждого сущего формирует не элемент об- щий нескольким сущим, заключенным в один класс, а, напротив, *ιδίως ποίον*, индивидуальное и конкретное качество¹⁶.

Иными словами, они отбрасывают вторую сущность Аристо- теля, благодаря которой существует научное познание вещей, но оставляют первую.

Брейе продолжает эту критику. Он противопоставляет стоиче- скую традицию школам Платона и Аристотеля в двух принципи- альных вопросах: во-первых, бестелесное не может быть причиной и достаточным основанием телесного существования и любых телесных трансформаций, или состояний вещей; во-вторых, стоики не пользуются аристотелевской категориальной моделью, что ярко подчеркивается Столяровым: «номинализм как исходная установ- ка сводит к минимуму важность деления самого сущего на роды и виды» [Столяров 1995, с. 100]. При этом, как полагает Брейе: «Номинализм стоиков оказывается не столько постулатом логи- ки, сколько результатом физики»¹⁷. Отдельно стоит отметить, что отказ от использования категорий Аристотеля и связанного с ним родовидового деления приобретает особую важность, учитывая тезис однозначности бытия как в «Логике смысла», так и в других текстах Делёза¹⁸.

Понимание телесного у Брейе остается в рамках классической историко-философской реконструкции стоического учения. Толь- ко телесное, нечто сущее – то, что действует и страдает, – может быть причиной: «Существовать – значит быть телесным» [Столя- ров 1995, с. 105]. Тела обладают внутри себя имманентным прин- ципом становления и силами, постоянно смешиваются (*μῖξις* или

¹⁶ Brochard V. Sur la Logique des Stoïciens // *Archiv für Geschichte der Philosophie*, 1892. Vol. 5. № 4. P. 449–468.

¹⁷ “Le nominalisme des Stoïciens se trouve être moins un postulat de la logique, qu’un résultat de la physique” (*Bréhier E. La Théorie des incorporels dans l’ancien stoïcisme*. Paris: Librairie Alphonse Picard & fils, 1928. P. 10).

¹⁸ Более подробно см.: Делёз Ж. Лекции о Спинозе.

κράσις) друг с другом, но при этом не передают друг другу качества, поскольку качества это не что иное, как различные «тонические» состояния пневмы, а следовательно, они тоже телесны. «Каждое тело и весь космос – это своеобразное “динамическое” единство, или динамический континуум» [Столяров 1995, с. 109]. Тела пронизывают друг друга. Так, например, огонь проникает в железо, но не передает ему свои качества. Взаимодействие тел производит не новые вещи, но состояния вещей и их бестелесные модификации (modifications) [Гаджикурбанова 2005, с. 13]. Иными словами: «Стоическая онтология (если вообще вести речь о таковой) регистрирует не “сущности” (в смысле абстрактных бытийственных единиц), но наличные состояния, или явления» [Столяров 1995, с. 102].

Что касается бестелесного, то это «как бы нечто сущее» (ὡσανεί τι ὄν), к которому относятся лектон (λεκτόν, exprimable, или высказываемое, смысл), пустота, пространство и время. Именно бестелесное является главным предметом анализа Брейе. Он развивает оригинальную концепцию бестелесных модификаций, на которую и будет впоследствии ссылаться Делёз, опираясь не только на способ прочтения, но и на лексику. Модификации не являются ни реальными вещами (réalités), ни субстанциями, ни качествами, говорит Брейе. Это *атрибуты*¹⁹ (attributs, или κατηγορήματα):

Когда скальпель рассекает плоть, одно тело сообщает другому не новое свойство (une propriété), а новый атрибут (un attribut) – быть порезанным. Этот *атрибут* не обозначает никакого реального *качества* (qualité réelle)...²⁰

¹⁹ На русский язык стоическое κατηγορήματα часто переводят термином «предикат». См., например, у Столярова: «Эту мысль Хрисипп пояснял так: нож есть причина того, что некое тело может быть разрезано (Sext. Adv. M. IX 211 cc. Pyrrh. III 14; Cl. Al. Strom. VIII 9, 26). В самом общем виде рассуждение выглядит так: телесное X является причиной того, что телесное же Y обладает атрибутом Z, который выражается сложным предикатом с инфинитивом» [Столяров 1995, с. 122]. См. также другой пример: «предикаты (κατηγορήματα) бывают реально наличны только в качестве [актуальных] акциденций (συμβεβηκότα): например, «прохаживаться» налично для меня, когда я прохаживаюсь, но не налично тогда, когда я возлежу или сижу» (Фрагменты ранних стоиков. Т. 2: Хрисипп из Сол. Ч. 1: Логические и физические фрагменты. Фрг. 1-521 / Пер. и коммент. А.А. Столярова. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1999. С. 269).

²⁰ Bréhier E. Op. cit., цит. по изд.: Делёз Ж. Логика смысла. С. 14; см. также: [Гаджикурбанова 2005, с. 13].

Он обозначает способ бытия (*une manière d'être*), выражается глагольным предикатом, в отличие от тел и вещей, и относится к категории бестелесного лектона²¹. В тексте «Теория бестелесного в Древнем стоицизме» можно столкнуться с характерным для «Логики смысла» описанием атрибута как того, что располагается на границе, или «на поверхности бытия» (*à la superficie de l'être*), атрибута как факта, как эффекта или события (*des faits, des effets, des événements*).

Сложность концепции, которую предлагает Брейе, связана с особым статусом лектона. В частности, его невозможно включить ни в схему семиотического треугольника, ни в лингвистическую модель знака у Соссюра²². И вещь, и звучащее слово/письменный знак, которыми мы ее именуем, телесны. Репрезентация (*φαντασία*) и образ вещи, также телесны, поскольку они производятся в результате взаимодействия нашего тела с вещественным влиянием извне. То же самое касается мысли (*νόημα*) и понятия (*έννοια*)²³. Поскольку душа для стоиков телесна, мысль как продукт, как «разумное представление», сформированное в душе, также является телесной. Для Брейе здесь нет никаких сомнений: «Для них [стоиков] мысль была телом в той же мере, в какой телом был звук»²⁴.

²¹ Столяров расходится в своей реконструкции с интерпретацией Брейе. Последний относит атрибуты к категории *πὸς ἔχον*, полагая, что она классифицирует бестелесное, тогда как Столяров утверждает, что *πὸς ἔχον* это новое «состояние пневмы», т. е. телесное состояние [Столяров 1995, с. 122–123]; см. также: *Bréhier E. Op. cit.* P. 12.

²² «168. Аммоний. Комментарий к трактату Аристотеля “Об истолковании” р. 17, 24 Busse. Этим Аристотель учит нас, что обозначаемое именами и глаголами и есть в собственном и непосредственном значении мыслимая предметность, что через нее обозначаются и сами предметы, и что не следует измышлять между мыслью и вещью ничего “среднего” – как это делают приверженцы Стои, предпочитающие называть “лектон” средним» (Фрагменты ранних стоиков... С. 83).

²³ Как уточняет Столяров в примечании к фрг. 329: «“Мысленные конструкторы” действительно не фигурируют в нормативном перечне “бестелесных” предметностей – пустота, пространство (место), время и чистые смыслы, – но вопрос о том, являются ли они разновидностью последнего члена этого ряда, остается открытым (они могут считаться и чем-то выходящим за пределы дихотомии телесное/бестелесное)» (Фрагменты ранних стоиков... С. 183). Очевидно, что для Брейе они не относятся к лектону.

²⁴ “Pour eux la pensée était un corps, et le son était aussi un corps” (*Bréhier E. Op. cit.*).

Таким образом, в отличие от гипотезы Аристотеля, согласно которой понятие и есть выражаемое, для ранних стоиков это нечто, что отличается и от слова, и от репрезентации, и от понятия²⁵. Однако такая непростая конструкция решала проблему предикации и причастности в платоновской теории идей²⁶, а также исключала дуализм материи и формы у Аристотеля²⁷. Поскольку метафизическое существование универсалий исключено, а субъект и предикат являются индивидуальными телами, не различаясь по категории, любое суждение о причастности либо невозможно, либо сводится к тождеству вещи. Поэтому атрибут «не является больше выражением понятия (объект или класс объектов), но предстает исключительно как факт или событие»²⁸.

Но Брейе идет дальше и предлагает еще более радикальную интерпретацию: то, что *выражено* и высказано словом (λεγόμενον) не надо путать с тем, что *может быть выражено* (λεκτόν). Согласно этой гипотезе, *выраженное* языком неразлично с тем, что *может быть выражено*, т. е. с *выражаемым*, но не принадлежит языку в полной мере. Путаница интерпретаторов и противников школы связана с тем, что бестелесные языковые предикаты и неязыковые атрибуты обозначены одним и тем же термином – κατηγορήματα, и выражаются глаголами²⁹. Для удобства Брейе предлагает называть языковые предикаты «(по)мысленными атрибутами» (l'attribut pensé), а атрибуты чистого смысла «объективными атрибутами» (l'attribut objectif)³⁰. П.А. Гаджикурбанова следующим образом описывает вывод, сделанный Брейе:

Можно говорить о существовании особой разновидности бестелесного, уже непосредственно не связанной с вербальным выраже-

²⁵ О сложностях, вызванных учением о лектоне у античных авторов: «Учение о “лектон” у поздних авторов с сильными перипатетическими симпатиями вызывало немалые затруднения. Аммоний считает «лектон» чем-то средним между мыслью и вещью. Симпликий – мыслью. Филопон – звуком (как явная ошибка отмечено Целлером)» [Столяров 1995, с. 364].

²⁶ Bréhier E. Op. cit. P. 19–20.

²⁷ Goldschmidt V. Le système stoïcien et l'idée de temps. Paris: Librairie Philosophique J. VRIN, 1989. P. 17–18.

²⁸ “...l'attribut... apparaît alors non plus comme exprimant un concept (objet ou classe d'objets), mais seulement un fait ou un événement” (Bréhier E. Op. cit. P. 20).

²⁹ Ibid. P. 21.

³⁰ Ibid. P. 22.

нием (хотя последнее не исключается) – об эффектах, событиях как атрибутах вещей, «выходных данных» телесных процессов, предельных точках саморазвертывания «семенных логосов» [Гаджикурбанова 2005, с. 16].

В результате, как выразился Аммоний, выражаемое/смысл/ лектон занимает «среднее» положение между мыслью и вещью.

Мы подходим здесь к одному из наиболее значимых пунктов стоической логики в реконструкции Брейе. Лектон выражается в суждениях, но связи между событиями, будь то конъюнкция, дизъюнкция, или импликация, не относятся к существующим телам, они тоже принадлежат выражаемому. Например, связь между антецедентом и консеквентом не имеет такой же внутренней связи, как связь телесных причин, они связаны по аналогии: не одно является причиной другого, но «как если бы одно являлось причиной другого». Это «нереальная каузальность», которая не может найти «свою опорную точку и свой объект во внешнем мире»³¹. Иными словами, и с этой позицией полемизирует Столяров [Столяров 1995, с. 123], особенность этой логики заключается в том, что она никак не связана с внешними объектами. Более того, есть два вида знания: «Различие между знанием, объектом которого является сама реальность, чувственная репрезентация, и другим знанием, которое относится к выражаемому, лежит в основе этой доктрины»³². Иными словами, чистый смысл и телесная реальность фундаментально отличаются друг от друга. Судьба как телесная и всеобщая связь причин (*εἰρὸς αἰτίων*) «по природе» отличается от способа связи эффектов-событий друг с другом. Последней и должна заниматься логика лектона, или логика смысла, как ее понимает Делёз.

Таким образом, оригинальная реконструкция Брейе, во-первых, придает лектону относительную независимость по отношению к физическим телам и языку: ни вещь, ни репрезентация, ни понятие, ни материальный знак, во-вторых, устанавливает фундаментальное различие между логической связью событий и физической связью причин.

³¹ “Cette espèce de causalité irréaliste ne peut nullement trouver son point d'appui et son objet dans le monde extérieur” (*Bréhier E.* Op. cit. P. 26).

³² “La distinction entre une connaissance qui a pour objet la réalité elle-même, la représentation sensible, et une autre connaissance qui se rapporte aux exprimables est au fond de la doctrine” (*Ibid.* P. 34).

*От «Теории бестелесного»
к «Логике смысла»*

Оригинальная реконструкция лектона Брейе была подхвачена Делёзом в «Логике смысла» и получила развитие в концепте идеального события. Более того, лектон как понятие, относящееся в стоической классификации к логическому разделу, и одновременно занимающий место среди онтологических понятий (по Брюнsvику), определяет название книги. Иными словами, логика смысла – это просто дисциплина, которая занимается лектоном. Однако, как уже было указано в начале статьи, излагать логику, физику и этику независимо друг от друга невозможно. Итак, развитие понятия лектон в «Логике смысла» двигалось сразу в нескольких направлениях. Здесь можно лишь кратко упомянуть эти направления, поскольку каждое из них потребовало бы отдельной работы.

Во-первых, с помощью концепции лектона Делёз разрабатывает свою философию языка, в которой событие становится четвертым измерением пропозиции – смыслом. Хотя эта тенденция, как было показано, наметилась уже у Брейе в виде различия между *выраженным* в языке и *тем, что может быть выражено*, т. е. *выражаемым*.

Во-вторых, лектон встраивается в делёзовскую пару: виртуальное/актуальное, проблема/решение и интенсивное/экстенсивное, располагаясь на стороне виртуального и проблематического, которое может быть воплощено, осуществлено, или актуализировано в положении дел.

В-третьих, Делёз использует для развития этого концепта математический язык, который позволяет более детально рассмотреть, что же происходит в процессе осуществления события:

Что же такое идеальное событие? Это – сингулярность. Или, скорее, совокупность сингулярностей, сингулярных точек, характеризующих математическую кривую, физическое состояние вещей, психологическую или нравственную личность³³.

Отбор совокупности таких отличительных моментов, которые являются узловыми, т. е. сингулярными, в силу своего отношения со всеми остальными моментами, и является осуществлением, или актуализацией идеального события в положении дел. Например, узнавание собственного лица в зеркале по характерным чертам или схватывание ранее незамеченных черт, изменивших лицо, являются отбором-актуализацией события, состоящего из совокуп-

³³ Делёз Ж. Логика смысла. С. 75.

ности сингулярностей: седой волос, морщина, шрам, движение губ, прикрытый глаз. Как указывает Уильямс Джеймс: «Любая точка любого процесса или функции потенциально является сингулярностью» [Williams 2008, р. 92]. Вопрос лишь в том, какие из них будут осуществлены³⁴.

Впрочем, математические сингулярности с определенной долей условности можно перевести на язык стоической физики. Если об эффектах, т. е. событиях, можно говорить как о «предельных точках саморазвертывания “семенных логосов”» [Гаджикурбанова 2005, с. 16], то математические сингулярности и есть сами «семенные логосы», «первичные “пневматические” структуры», *πνεῦμα πρὸς ἔχον*, пневма, способная к самоструктурированию.

В-четвертых, лектон интерпретируется в манере, которая близка к структурализму, как его описал Делёз тремя годами позднее. В 1972 г. у Делёза выходит статья «По каким критериям узнают структурализм?». Описывая первый критерий, Делёз утверждает, что привычная нам мысль «поддерживает диалектическую игру между этими двумя понятиями»: реальным и воображаемым³⁵. Иными словами, между телесным космосом и способностями индивидуального рассудка, объектами и их репрезентациями. Однако структурализм открывает третий элемент, «царство символического»: «отказ от смешения символического с воображаемым и реальным является первым измерением структурализма»³⁶. Далее Делёз пишет:

Мы можем сказать, что соответствующая структура не имеет никакого отношения ни к чувственной форме, ни к образу воображения, ни к интеллигибельной сущности. Она не имеет ничего общего с *формой*, так как структура нисколько не определяется автономностью целого, его богатством по сравнению с частями, гештальтом, который прояв-

³⁴ Вероятно, позиция Делёза в этом отношении, начиная с ранних работ по Юму, существенно не изменилась. Здесь можно проследить утверждение двух тезисов его раннего эмпиризма: *атомизма* и *ассоцианизма*. Но теперь они могут быть сформулированы как *атомизм бестелесных событий*, поскольку события зависят от отношений между множествами сингулярностей, не копируют физический закон причинности, но и не связаны друг с другом законами формальной логики, поскольку онтологически предшествуют ей. И *ассоцианизм бестелесных событий*, принцип, или искусство учреждения связей между различными событиями.

³⁵ Делёз Ж. По каким критериям узнают структурализм // Делёз Ж. Марсель Пруст и знаки. СПб.: Алетейя, 1999. С. 135.

³⁶ Там же.

ляется в реальном и в восприятии: наоборот, структура определяется природой некоторых атомарных элементов, которым предначертано участь одновременно формирование целостностей и вариацию их частей³⁷.

Место символического здесь занимает как раз лектон, который, по словам Аммония и в исследованиях Эмиля Брейе, занимает «среднее» положение между мыслью и вещью. Лектон – не индивидуальное и не общее, не воображаемое и не реальное (в значении телесности космоса, а не в смысле реальности виртуального и актуального). Хрисипп «Логики смысла» – это первооткрыватель символического, делёзовский структуралист *avant la lettre*.

Как вполне строго определяет Леви-Стросс, он [элемент структуры] не имеет ничего, кроме *смысла*: того смысла, который необходимо является «позиционным», и это все³⁸.

В-пятых, в четырнадцатой серии «Логики смысла» – «Двойная каузальность» – лектон, который уже занимает промежуточное положение – ни индивидуальное, ни всеобщее, ни активное, ни пассивное – приобретает статус генетического трансцендентального поля смысла, которое является условием субъективации. Так, через концепцию лектона в «Логике смысла» развивается основной тезис трансцендентального эмпиризма: не выявление условий *возможного* опыта, но описание генетических условий *реального* опыта. Как пишет Делёз, Гуссерль с помощью феноменологической редукции продвинулся в верном (для Делёза) направлении. Однако гуссерлевская нозма, – которая, на первый взгляд, соотносится с промежуточным положением лектона, ни *real*, ни *reell*, – предполагает нозетический акт Эго³⁹. Сартр сделал шаг еще чуть дальше, полагая, что Эго трансцендентно. Но открытое им трансцендентальное поле оставляет нетронутой идею сознания. Результатом становится копирование условий (виртуального) с обусловленного (актуального), с данного в опыте сознания, что создает замкнутый круг при попытке исследовать сами генетические условия опыта. Следовательно, «условия реального объекта познания должны быть теми же, что и условия знания»⁴⁰. Поэтому чистый смысл

³⁷ Там же. С. 138.

³⁸ Там же. С. 139.

³⁹ Здесь нет возможности подробно анализировать критический разбор нозмы, проведенный в четырнадцатой серии «Логики смысла».

⁴⁰ Делёз Ж. Логика смысла. С. 143.

должен быть генетически первичен по отношению к самой форме субъективности, данным в его опыте объектам и суждениям, которые формулирует субъект.

Наконец, лектон в качестве идеального события выполняет в делёзовской работе связующую функцию между физикой, логикой и этикой, возвращая нас через однозначность бытия к идее Природы-индивида, который меняется бесконечным числом способов. Все события связаны между собой так же, как и вся совокупность взаимно определяющих друг друга сингулярностей. И все события одновременно охватываются одним событием:

Оно происходит как уникальное событие для всего того, что происходит даже с самыми разными вещами, *Eventum tantum* для всех событий, предельная форма всех форм... <...> Бытие – это уникальное событие, в котором все события коммуницируют друг с другом⁴¹.

В *Eventum tantum* совершается то, что в стоической терминологии называлось *палингенесией* (παλιγγενεσία)⁴², возрождением, или восстановлением мира. Однако, если в стоической системе это касалось восстановления физического мирового цикла, в «Логике смысла» палингенесия не является хронологической последовательностью событий. Это перманентное движение осуществления и контросуществования событий. И главной проблемой здесь остается этическая: как мы способны контросуществовать события, совпадая с творческим моментом, который для стоиков и есть φύσις сущего, «искуснический огонь, движущийся по пути к порождению»⁴³.

Источники

Делёз Ж. Лекции о Спинозе. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 216 с.

Делёз Ж. Логика смысла. М.: Академический проект, 2011. 472 с.

Делёз Ж. По каким критериям узнают структурализм // Делёз Ж. Марсель Пруст и знаки. СПб.: СПбГУ: Алетейя, 1999. С. 133–175.

Делёз Ж. Ницше. СПб.: Аксиома: Кольна, 1997. 186 с.

Делёз Ж. Различие и повторение. СПб.: Петрополис, 1998. 384 с.

⁴¹ Там же. С. 236.

⁴² В «Логике смысла» Делёз не использует этот термин. Но, согласно нашей гипотезе, по отношению к *Eventum tantum* можно использовать термин «палингенесия», если учитывать различия между двумя временными концепциями: Хроносом и Эоном.

⁴³ *Лаэртский Диоген*. Указ. соч. VII, 156. С. 292.

Делёз Ж. Складка. Лейбниц и барокко. М.: Логос, 1997. 264 с.

Делёз Ж. Спиноза. Практическая философия. М.: Ин-т общегуманитарных исследований, 2018. 204 с.

Делёз Ж. «Я плохо переношу невротиков». Ответы на серию вопросов. Ноябрь 1981. URL: https://vk.com/@p_f_r_a_n_c_a_i_s-zhil-delez-ya-ploho-perenoshu-nevrotikov (дата обращения 8 апреля 2023).

Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М.: Академический проект, 2009. 261 с.

Лаэртский Диоген. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1986. 571 с.

Фрагменты ранних стоиков. Том 2. Хрисипп из Сол. Часть 1: Логические и физические фрагменты. Фрг. 1-521 / Пер. и коммент. А.А. Столярова. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1999. 280 с.

Bréhier É. La Théorie des incorporels dans l'ancien stoïcisme. Paris: Librairie Alphonse Picard & fils, 1928.

Deleuze G. Logique du sens. Paris: Minuit, 1969.

Goldschmidt V. Le système stoïcien et l'idée de temps. Paris: Librairie Philosophique J. VRIN, 1989.

Литература

Гаджикурбанова 2005 – Гаджикурбанова П.А. Стоическое учение о бестелесном в интерпретации Э. Брейе, А.Ф. Лосева и Ж. Делёза // Историко-философский ежегодник. 2005. № 2005. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stoicheskoe-uchenie-o-bestelesnom-v-interpretatsii-e-breye-a-f-loseva-i-f-delyoza> (дата обращения 8 апреля 2023).

Столяров 1995 – Столяров А.А. Стоя и стоицизм. М.: АО «Ками Груп», 1995. 448 с.
 Brunschwig 2003 – Brunschwig J. Stoic Metaphysics // The Cambridge Companion to the Stoics / Ed. by B. Inwood. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 206–232.

Gourinat 2018 – Gourinat J.-B. The Ontology and Syntax of Stoic Causes and Effects // Rhizomata. 2018. Vol. 6 (1). P. 87–108.

Williams 2008 – Williams J. Gilles Deleuze's Logic of Sense. A Critical Introduction and Guide. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2008.

References

Brunschwig, J. (2003), "Stoic Metaphysics", Inwood, B. (ed.), *The Cambridge Companion to the Stoics*, Cambridge University Press, Cambridge, UK, pp. 206–232.

Gadzhikurbanova, P.A. (2005), "Stoic doctrine of the incorporeal in the interpretation of E. Brehier, A.F. Losev and G. Deleuze", *Historical and Philosophical Yearbook*, no

- 2005, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/stoicheskoe-uchenie-o-bestesnom-v-interpretatsii-e-breye-a-f-loseva-i-f-delyoza> (Accessed 08 April 2023).
- Gourinat, J.-B. (2018), "The Ontology and Syntax of Stoic Causes and Effects", *Rhizomata*, vol. 6 (1), pp. 87–108.
- Stolyarov, A.A. (1995), *Stoya i stoitsizm* [The Stoa and the stoicism], Kami Grup, Moscow, Russia.
- Williams, J. (2008), *Gilles Deleuze's Logic of Sense. A Critical Introduction and Guide*, Edinburgh University Press, Edinburgh, UK.

Информация об авторе

Даниил А. Бореико, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; dbor101189@gmail.com

Information about the author

Daniil A. Boreiko, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; dbor101189@gmail.com